

Секция «10.6 Цифра, финансы и право - взгляд молодого ученого (совместно с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)»

Изменчивость регулирования цифровых валют и технологии блокчейн в Российском праве

Научный руководитель – Зуева Анна Сергеевна

Болатов Николай Дмитриевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, Кафедра информационной безопасности и компьютерного права, Москва, Россия

E-mail: nickbolatov@gmail.com

Изменчивость регулирования цифровых валют и технологии блокчейн в российском праве

Развитие цифровой экономики поставило перед правом задачу, которую невозможно решить с помощью прежних регуляторных схем без их существенного обновления. Это особенно заметно на примере цифровых валют, блокчейн-технологий и смарт-контрактов, где правовое регулирование в России складывалось не как заранее выстроенная система, а как последовательное реагирование на меняющуюся технологическую и экономическую реальность. Именно поэтому для российской модели характерна не завершённость, а подвижность: законодатель не столько вводил целостную конструкцию, сколько постепенно оформлял отдельные элементы нового цифрового оборота. В результате к началу 2026 года российское право уже располагает нормами о цифровых финансовых активах, цифровой валюте, майнинге, налогообложении операций с цифровыми активами и экспериментальных правовых режимах, однако целостная и внутренне согласованная модель регулирования всё ещё находится в стадии формирования.[1][2][3]

Такое состояние законодательства не является случайным. Оно отражает более глубокую особенность российской правовой политики в цифровой сфере: стремление встроить новые технологические явления в существующие гражданско-правовые и финансово-правовые конструкции, не прибегая к резкому пересмотру базовых институтов. На это обращают внимание и исследователи цифрового права, подчёркивая, что отсутствие единства в понятийном аппарате затрудняет не только развитие внутреннего регулирования, но и формирование устойчивых подходов к трансграничным цифровым отношениям.[10] Поэтому изменчивость российского регулирования следует понимать не просто как череду реформ, а как способ адаптации права к феноменам, которые не укладываются в классические категории в их первоначальном виде.

Поворотным моментом стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Именно этот акт впервые вывел цифровые активы из сферы преимущественно доктринального обсуждения и придал им законодательную форму. Его значение заключается не только в закреплении отдельных определений, но и в том, что он обозначил саму логику российского подхода. Законодатель не стал рассматривать криптовалюту как полноценный аналог денег или универсальный объект гражданского оборота; напротив, он предложил дифференцированную модель, в которой различные цифровые феномены получили различные правовые режимы.[4]

Эта логика становится особенно понятной, если обратиться к статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепившей категорию цифровых прав. В российском

праве цифровые права были осмыслены не как технический код и не как новая разновидность вещи, а как обязательственные и иные права, существующие в цифровой форме внутри определённой информационной системы.[5] Тем самым законодатель задал принципиально важную методологическую рамку: в центре внимания оказался не цифровой носитель сам по себе, а юридическое содержание того права, которое реализуется в цифровой среде. Вместе с тем уже на этом этапе стала заметна проблема категориальной неоднородности. Как отмечает Т.В. Дерюгина, разграничение цифровой валюты и криптовалюты продолжает вызывать сложности, а потому говорить о сложившемся единстве понятийного аппарата пока преждевременно.[12]

На указанной цивилистической основе и было проведено ключевое для российского законодательства различие между цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой. Цифровые финансовые активы были встроены в уже известную праву систему имущественных и корпоративных прав: речь идёт о цифровой форме денежных требований, правах по эмиссионным ценным бумагам, правах участия в капитале непубличного акционерного общества и иных сходных конструкциях.[4] Иная правовая судьба была отведена цифровой валюте. Закон описывает её как совокупность электронных данных, способных выступать средством платежа, но не являющихся денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства либо международной расчётной единицей, при отсутствии обязанного лица перед каждым обладателем таких данных.[4] Это разграничение оказалось принципиальным для последующей судьбы всего регулирования, поскольку именно через него была проведена граница между цифровыми объектами, допускаемыми в правовое пространство как разновидности прав, и цифровой валютой, в отношении которой государство заняло более сдержанную и контролирующую позицию.

В доктрине это различие получило содержательное объяснение. Е.В. Зайнутдинова справедливо указывает, что цифровые права и цифровая валюта, несмотря на общую цифровую форму, обладают различной правовой природой и потому не могут регулироваться одинаково.[11] Такой вывод помогает глубже понять российскую законодательную модель: её фрагментарность объясняется не только недостаточной разработанностью норм, но и неоднородностью самих регулируемых явлений. Иначе говоря, право столкнулось не с одним цифровым объектом, а сразу с несколькими различными по своей юридической природе конструкциями, каждая из которых потребовала собственного режима.

Именно поэтому Закон № 259-ФЗ, при всей своей принципиальной важности, не завершил формирование правового режима цифрового рынка. Он задал базовые дефиниции, но не превратил их в цельную и исчерпывающую систему. После его принятия в российском праве по-прежнему сохранялись лакуны, касающиеся деятельности криптовалютных бирж и обменников, правового статуса посредников, способов защиты участников оборота и механизмов налогового учёта. Тем самым уже в первые годы действия закона стало очевидно, что он играет роль исходного нормативного каркаса, вокруг которого ещё только предстояло выстраивать последующее регулирование.

Эта незавершённость особенно заметна при обращении к вопросу о блокчейне. Несмотря на то что именно блокчейн воспринимается как технологическая основа значительной части цифрового оборота, российское законодательство не делает его самостоятельной юридической категорией. Закон № 259-ФЗ использует более нейтральное понятие распределённого реестра, понимая под ним совокупность баз данных, тождественность сведений в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов.[4] Тем самым законодатель не привязывает право к конкретной технологии в её техническом понимании, а закрепляет лишь ту инфраструктурную модель, которая имеет значение для юридического описания цифрового оборота. Блокчейн, следовательно, входит в российское право не как самостоятельный институт, а как технологическая форма существования цифровых

прав и иных цифровых объектов.

Ещё А.И. Савельев обращал внимание на то, что правовое осмысление блокчейн-технологий требует более тщательной адаптации действующего законодательства, поскольку распределённая архитектура хранения и подтверждения данных меняет привычные представления о контроле, подтверждении воли и распределении рисков.[13] Особенно важным остаётся его вывод о том, что при отсутствии специальных законодательных конструкций риски дефектов программного кода в значительной степени перекладываются на участников соответствующих отношений.[13] Эта проблема и сегодня не утратила актуальности. Российское право пока фиксирует технологическую допустимость распределённого реестра, но не создаёт самостоятельного режима ответственности за сбои или дефекты цифровой инфраструктуры. В этом проявляется одна из характерных черт регулирования: технология признаётся правом постольку, поскольку она уже стала практически значимой, однако сопутствующие риски ещё долго остаются внутри общих конструкций гражданского законодательства.

Аналогичным образом развивается и регулирование смарт-контрактов. Сам термин в законодательстве отсутствует, но его юридическая идея вошла в российское право через статью 309 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая допускает исполнение обязательства при наступлении определённых обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон, если это предусмотрено условиями сделки и обеспечивается применением информационных технологий.[6] Тем самым право признало не столько сам смарт-контракт как отдельную категорию, сколько допустимость автоматизированного исполнения обязательств. И именно этот выбор законодателя представляется концептуально важным: вместо создания нового типа договора он предпочёл вписать цифровую модель исполнения в уже существующее обязательственное право.

Доктрина, однако, показывает, что такое решение лишь открывает дискуссию, но не завершает её. Наиболее известную формулировку смарт-контракта предложил А.И. Савельев, определивший его как договор, выраженный в форме программного кода и исполняемый автоматически при наступлении предусмотренных обстоятельств.[14] Это определение сыграло заметную роль в российской научной дискуссии, поскольку позволило описать смарт-контракт одновременно как юридическую и технологическую конструкцию. В дальнейшем исследователи обратили внимание уже на более тонкие аспекты. Так, Т.В. Шатковская и А.А. Евстафьева показали, что наибольшие трудности возникают не столько при признании допустимости смарт-контракта, сколько при попытке применить к нему классические механизмы изменения и расторжения обязательства.[15] В свою очередь, Л.Г. Ефимова, И.Е. Михеева и Д.В. Чуб, анализируя российские и зарубежные доктринальные подходы, пришли к выводу, что правовое развитие в этой сфере движется осторожно именно потому, что смарт-контракт затрагивает фундаментальные вопросы гражданско-правовой теории — пределы автономии воли, природу согласия, значение формы сделки и юридическую роль технической среды.[16]

Поэтому смарт-контракт в российском праве следует рассматривать не как уже оформившийся институт, а как переходную конструкцию, находящуюся на стыке обязательственного права и цифровой инфраструктуры. Закон признал его функциональную допустимость, но не предложил исчерпывающей модели разрешения тех споров, которые неизбежно возникают в случае ошибки кода, расхождения между текстом соглашения и алгоритмом исполнения или необходимости вмешательства в автоматически протекающее исполнение. Здесь особенно хорошо заметно, что российское право движется от общей допустимости к постепенной детализации, а не наоборот.

Сходная логика проявляется и в использовании экспериментальных правовых режимов. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых

режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» создал правовой механизм, позволяющий апробировать новые цифровые решения до выработки общих правил их оборота.[2] В данном случае сам способ регулирования имеет самостоятельное значение. Государство не столько утверждает окончательную модель цифровых отношений, сколько вводит пространство для правового тестирования. Это показывает, что изменчивость в российском цифровом праве выражается не только в содержании норм, но и в форме нормотворческой реакции: сначала апробация, затем концептуализация, затем институционализация.

Именно в таком направлении развивалось регулирование в 2024 году, когда был сделан новый шаг в сторону признания цифровой валюты как элемента хозяйственной деятельности. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ легализовал майнинг цифровой валюты и тем самым вывел из серой зоны один из наиболее практически значимых сегментов криптоэкономики.[7] Это решение имело более широкий смысл, чем простое урегулирование технологического процесса. Оно показало, что государство начало воспринимать цифровую валюту не только как проблемный объект контроля, но и как явление, связанное с производством, предпринимательской активностью и экономической инфраструктурой.

Завершением этого этапа стало принятие Федерального закона от 29 ноября 2024 года № 418-ФЗ, который закрепил налоговый режим операций с цифровой валютой.[3] Именно включение цифровой валюты в налоговую систему стало моментом её окончательной институционализации в праве: объект, который ранее определялся преимущественно через ограничения и специальные дефиниции, оказался признан и как источник имущественных последствий, подлежащих фискальному учёту. С этого момента регулирование цифровой валюты в России стало развиваться уже не только в гражданско-правовом и финансово-контрольном измерении, но и в фискальном.

Одновременно с этим в российской правовой системе усиливается другое направление цифровизации — формирование института цифрового рубля. Его развитие позволяет увидеть, насколько неоднородной становится государственная цифровая политика. А.А. Ситник обоснованно показывает, что отношения, складывающиеся в процессе обращения цифрового рубля, находятся на пересечении гражданского и финансового права: с одной стороны, цифровой рубль связан с исполнением обязательств, с другой — его природа определяется государственным характером соответствующей платёжной инфраструктуры.[17] Продолжая этот подход, А.В. Турбанов обращает внимание на специфику счёта цифрового рубля как особой правовой конструкции, объектом которой выступают цифровые деньги, а операции совершаются в рамках платформы Банка России.[18] Т.Э. Рождественская и А.Г. Гузнов, в свою очередь, связывают перспективы полноценного оборота цифрового рубля с возможностью его использования не только в частноправовых, но и в публично-правовых обязательствах, прежде всего налоговых.[19]

Появление цифрового рубля важно для анализа темы не само по себе, а как часть более широкой регуляторной картины. Российское государство одновременно развивает собственную контролируемую цифровую платёжную инфраструктуру и вырабатывает более строгий режим для частных цифровых валют. В этом проявляется характерная двойственность современной модели: цифровизация поощряется там, где она институционально подконтрольна государству, и значительно осторожнее допускается там, где речь идёт о децентрализованных инструментах.

Эта же логика особенно отчётливо проявилась в 2025 году в позиции Банка России. В марте 2025 года регулятор предложил ограниченную модель допуска к операциям с криптовалютой в рамках специального экспериментального правового режима, ориентированного на узкий круг особо квалифицированных инвесторов.[8] Уже в декабре 2025 года

концептуальные предложения Банка России стали заметно шире: был обозначен допуск как квалифицированных, так и неквалифицированных инвесторов, хотя и при сохранении ограничений для последних, а также было предложено рассматривать цифровые валюты и стейблкоины как валютные ценности, допускаемые к покупке и продаже, но не к использованию в качестве внутреннего платёжного средства.[9] Важна здесь не только разница между двумя позициями, но и сама скорость этой эволюции. Она показывает, что регулирование развивается не линейно, а в режиме постоянной корректировки, где регулятор ищет баланс между контролем, осторожной легализацией и необходимостью учитывать экономическую реальность.

Сравнительно-правовой контекст помогает лучше понять специфику российского пути. Е.В. Зайнутдинова, анализируя зарубежные модели регулирования цифровых прав и цифровой валюты, приходит к выводу, что эффективное правовое регулирование в этой сфере требует не запретительной импульсивности и не безусловной либерализации, а взвешенного сочетания правовой определённости и технологической адаптивности.[10][11] Этот вывод особенно значим применительно к России, где одной из центральных проблем остаётся разрыв между уже появившимися цифровыми практиками и пока ещё неполной системностью их законодательного оформления. В зарубежной практике можно наблюдать более раннее и более детальное юридическое признание отдельных аспектов блокчейн-технологий. В.А. Канашевский, анализируя трансграничные отношения, отмечает, что в ряде американских штатов записи в блокчейн-реестре уже получили правовое признание в доказательственном и договорном контексте.[20] Это показывает, что блокчейн может входить в правовую систему не только как объект общего теоретического осмысления, но и как конкретный инструмент, имеющий процессуальное и материально-правовое значение.

На этом фоне российская модель выглядит не столько отстающей, сколько осторожно формирующейся. Её особенность состоит в том, что право здесь стремится сохранить преемственность с традиционными категориями, даже когда речь идёт о принципиально новых технологических явлениях. Именно поэтому цифровая валюта оформляется через особый режим имущественного объекта, блокчейн — через понятие распределённого реестра, а смарт-контракт — через конструкцию автоматизированного исполнения обязательств. Такая методика позволяет избегать резких институциональных разрывов, но одновременно делает развитие права более медленным и более зависимым от последующей доктринальной и правоприменительной доработки.

Таким образом, к началу 2026 года регулирование цифровых валют, блокчейна и смарт-контрактов в России можно охарактеризовать как переходное и структурно незавершённое. Однако эта незавершённость не означает отсутствия направления. Напротив, уже сейчас видно, что законодатель и регулятор движутся в сторону более плотной институционализации цифрового оборота: через уточнение правового статуса цифровых объектов, развитие налоговых и контрольных механизмов, легализацию отдельных сегментов деятельности, а также через формирование модели допуска участников рынка на регулируемых условиях. Поэтому изменчивость российского регулирования следует оценивать не только как признак нестабильности, но и как форму эволюции права в условиях технологического перехода. В этой сфере российское право не воспроизводит готовые зарубежные модели, а вырабатывает собственную конструкцию, в которой сочетаются элементы признания, ограничения, эксперимента и последующей институционализации.

Источники и литература

- 1) Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

- 2) Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».
- 3) Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
- 4) Статья 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ.
- 5) Статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.
- 6) Статья 309 Гражданского кодекса Российской Федерации.
- 7) Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования майнинга цифровой валюты.
- 8) Банк России. Новый экспериментальный режим для сделок с криптовалютами. 12.03.2025.
- 9) Банк России. Будущее рынка криптовалют: предложения Банка России. 23.12.2025.
- 10) Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и цифровая валюта: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 1.
- 11) Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и цифровая валюта в российском праве: вопросы правовой природы и соотношения // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 4. С. 159–167.
- 12) Дерюгина Т.В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2 (64). С. 274–288.
- 13) Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117.
- 14) Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3.
- 15) Шатковская Т.В., Евстафьева А.А. Правовое регулирование изменения и расторжения смарт-контракта по законодательству РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 85–94.
- 16) Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105.
- 17) Ситник А.А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 8. С. 20–36.
- 18) Турбанов А.В. Правовая природа счёта цифрового рубля // Банковское право. 2024. № 2. С. 40–51.
- 19) Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 48–55.
- 20) Канашевский В.А. Правовое регулирование использования блокчейн-технологий в трансграничных отношениях и трансграничные расчёты с использованием цифровых активов // Закон. 2020. № 2.